

18+

Ларина Юлия

**Первые
майские грозы**

Юлия Ларина

Первые майские грозы

«Издательские решения»

Ларина Ю.

Первые майские грозы / Ю. Ларина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508813-0

Школьные годы — лучшие годы? Что вы думаете по этому поводу? А вот юная Ольга без сожаления покидает храм знаний, с тревогой размышляя о будущем. Что её ждет после школы? Как страшны экзамены на самом деле? С последним дыханием школьного звонка жизнь подкидывает выпускнице неожиданные сюрпризы. Докучливые родственники? Исполнение заветной мечты? Первая любовь? Эти мимолетные события навсегда оставят след в душе девушки и определяют её дальнейшую судьбу.

ISBN 978-5-00-508813-0

© Ларина Ю.
© Издательские решения

Содержание

Цитаты для будущих читателей	6
Глава 1. Теплый апрель, месяц до экзаменов, юность	7
Глава 2. Упущения	12
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Первые майские грозы

Юлия Ларина

© Юлия Ларина, 2019

ISBN 978-5-0050-8813-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Цитаты для будущих читателей

Чтобы завлечь читателя Ольга поделилась некоторыми своими размышлениями по поводу происходящего в книге:

Мы так молоды, так неопытны и сейчас должны решить свою жизнь...

Может быть, жизнь это как булочка с повидлом: я просто откусила не с того конца, но придёт время, и я доберусь до своего вишневого джема, когда другие уже отжуют своё и будут довольствоваться сухими кончиками.

Ровно неделю назад я попала на крючок его изумрудных глаз, и думалось, что сегодня непременно он снова выйдет на рыбалку.

А что есть красота? Разве это не прекрасное сочетание индивидуальностей, которое дополняют собой друг друга, образуя целостный гармоничный образ человека?

Я почувствовала, как в груди все воспламенилось и потекло горячей сладкой карамелью куда-то вниз, распространяясь теплом по всему телу. Это был он.

Люди очень часто живут в ожидании каких-то событий: когда же они поедут в отпуск, когда закончат работу, когда приедут домой, когда их впервые кто-то поцелует, когда они поедят. Но эти события так быстро проходят, что и не успеешь их почувствовать, а вот их ожидание — это как мечтательная прелюдия к настоящим ощущениям.

Может быть, ты боишься потерять год или два в поисках своего пути, но разве тебе не страшно потерять жизнь, тратя её на нелюбимое дело?

Взрослый это тот, кто сам распоряжается своей жизнью и решает свои проблемы, а не тот, кто пьет пиво в подворотне.

Я так увлеклась макияжем, что даже наклеила черной жижи на волосины вокруг глаз.

Я представила себя в черной мантии, шляпе с квадратом на темени и белом парике с буклями. Может быть, такие нелепости уже не носят, но мне непременно пойдут эти букли, свисающие как кульки сахарной ваты с ушей... Какая же я буду свирепая!

«На!» — произнесла я в голове, развернулась и раскрыла перед ним полы пиджака, отдавая на растерзание его хищно спящим по закоулкам моего тела глазам.

Глава 1. Теплый апрель, месяц до экзаменов, юность

Все детство я думала, что Новый год начинается первого сентября, в то время как сам Новый год, 31 декабря, я совершенно не брала в рассмотрение, полагая, что это лишь праздник снега, Деда Мороза, хвойных растений и многочисленных салатов с майонезом, и не связывая его с наступлением чего-то нового. Честно говоря, я до сих пор иногда так думаю и путаю себя и окружающих. А все потому, что что-то действительно важное, по моему мнению, начиналось именно тогда, первого сентября.

Помню, как ещё совсем маленькой я гостила у бабушки и дедушки и ранним сентябрьским утром смотрела новости. Там передавали, что сегодня праздник, и я спросила у деда какой. Он ответил, что это важный день для всех школьников – начало нового учебного года, и что когда-нибудь и я ступлю на порог этого учебного заведения. Именно тогда я впервые задумалась о будущем, и больше эта мысль не отпускала меня. В тот день мне вдруг показалось, словно за этими дверями таится что-то чрезвычайно интересное, удивительное, загадочное.

Хотя сейчас, подводя итог и имея на это полное право, я бы сказала, что ничего поистине загадочного в этом не было. А было трудно, иногда только интересно, полезно и в то же время бесполезно, скучно и утомительно. Как-то сухо и формально прошла моя школьная жизнь. Но хотела бы ли я другой, полной веселья, впечатлений, верной дружбы, первой любви, гуляний, дискотек, шуток над учителями и всего прочего, что так прочно вошло в понимание «школьные годы»? Разве школа — это не мучительный поиск себя и своего места в жизни, бесконечные пробы и ошибки, страх быть непринятым в обществе, страх быть хуже других, череда неудач, разочарование в себе, предательства, безответная любовь, насмешки, бессонные ночи, плохие оценки, страх отвечать у доски и на глазах у всех быть глупцом — все то, что неумолимо калечит жизнь в будущем, стирает нашу индивидуальность и загоняет в угол.

Так что же я вспомню через год? Через два? Через десять? А, наверно, толком-то и ничего, кроме того, как скучала на математике и писала любовные письма однокласснику, которому была безразлична. Сдавала в девятом классе биологию и химию неизвестно зачем. Хотя, я знаю зачем. Потому что так же не знаю, зачем бы я сдавала литературу или физику.

Какую дорогу мне выбрать? Как найти её и не оплошать? Не жалеть потом, что пошла не туда, занялась не тем. Да ведь я, наверно, и до сих пор не знаю. Я ничего не знаю. Так трудно ничего не знать.

Хочется все спланировать. Планировать день, планировать жизнь. Написать свою судьбу наперед и жить, зная, что тебя ждет.

Не понимаю старшеклассников, которых спрашиваешь «Куда хочешь поступать? Кем хочешь быть?», а они не знают. Это же самые важные вопросы в их жизни. Парадокс в том, что и я такая. Но я не живу днём, я ищу, я пытаюсь найти, цепляюсь то здесь, то там. Кто же я? Где же моё? Как те, кому дано понять и найти это так быстро и легко? Но вот мы идём, куда нам скажут, или за компанию, или наобум, или ещё как-нибудь. Я так боюсь пожалеть о том, что сейчас я выбрала не то, что надо. А что же надо? Я не узнала, если бы не выбрала. У нас есть один шанс, у кого-то может два или больше, но не бесконечное количество. Мы так молоды, так неопытны и сейчас должны решить свою жизнь.

Зина безжалостно толкнула меня в бок локтем, что, в свою очередь, заставило повернуть к ней недовольный взгляд, который только что был где-то за пределами класса вместе с моими мыслями.

– Ольга, иди! — шепотом прокричала она, искренне желая передать своими широко распахнутыми глазами и вздернутыми бровями большую мысль.

Я тяжело вздохнула, но сразу же почувствовала облегчение, когда вспомнила, что таких моментов, которых мне осталось пережить, можно по пальцам пересчитать, и скоро это всё закончится.

Под укоризненным взглядом учительницы я, наконец, вышла к доске. Меня переполняло спокойствие и равнодушие, поэтому я спросила:

– Какой номер?

– Двадцать четвертый, задача вторая, — кто-то ответил с последнего ряда, опередив учительницу, которая только хотела начать свою нравоучительную речь о том, что нужно следить за работой в классе.

Я нарочито умно поглядела в учебник, будто понимаю, что нужно сделать, и написала «Дано». Времена боязни перед доской прошли, никто не смеется над твоими ошибками, потому что никому нет дела до них. Все думают только, как бы самому не сесть в лужу, что совершенно не дает времени думать еще о чужих провалах. Определенно, есть некоторые личности, которые только и ждут, как ты потерпишь фиаско, но исключительно для того, чтобы уверить себя, что сами не хуже. Поэтому смеются над чужими неудачами только неудачники.

До конца учебного года оставалось всего пара месяцев, оценки практически все решены, так что поводов быть спокойным удавом в эту минуту было предостаточно.

Только я повернулась к классу, чтобы дать понять всем, что сама я эту задачу решать не собираюсь, так как не считаю себя достаточно компетентной в вопросах волновых свойств микрочастиц, как гласил заголовок задачника по физике. Да, огонь заинтересованности к этому предмету совершенно угас, даже не успев разгореться. Но, по всей видимости, дремучая вахтерша очнулась ото сна и поняла, что урок должен был закончиться ещё пять минут назад. Поэтому в нецелесообразном хохоте, болтовне, возне и сущей неразберихе, которая, как правило, бывает каждую перемену, я повернулась к учительнице с прескверной улыбкой, а та поджала губы в недружелюбную нитку и ткнула точкой в клетку напротив моей фамилии, словно в этой клетке был мой глаз.

Я вышла из класса даже немного навеселе, что редкость для моей природы. До следующей недели я могу забыть про эти назойливые задачи и их роль в моей жизни, которая в сущности ничего и не составляет.

Не успев оставить меня в превосходном одиночестве, ко мне подбежала Зина и начала спрашивать что-то про сочинение по русскому и, скорее всего, просила дать списать. Я не без задумчивости достала тетрадь из рюкзака, сказала не списывать слово в слово и с миром отправила её к подоконнику. Зина поступает в сельскохозяйственную академию на агронома, и навык написания хорошего сочинения ей не потребуется в жизни, поэтому я охотно помогаю подруге преуспеть в учебе. А она, в свою очередь, подсказывает мне на контрольных по химии и частенько решает за меня уравнения. Эта взаимопомощь и послужила основой нашей незатейливой дружбы. Впрочем, мы вряд ли бы дружили, если бы не коротали учебные часы за одной партой, да и без её чрезмерной общительности и желания найти слушателя бесконечной болтовни этого бы наверняка не произошло. Не хочу говорить плохо о моей подруге, но глубиной души, чего мне часто не хватает в моих собеседниках, она не отличается. У неё нет какого-то своего особенного мнения по какому-либо даже элементарному вопросу, она часто говорит общими фразами, которые я уже где-то слышала, принимает общественное мнение за свое собственное без усилия мысли. Как и большинство людей, вероятно. Принимает все общественные установки как данность, не задумываясь об их логичности, правоте, если можно её установить. Зина словно заполняет свою внутреннюю пустоту окружающей её суматохой, общением с кучей людей, которое не всегда приносит важную информацию, засоряет свой ум ненужной болтовней и от этого чувствует себя цельной личностью. Но что я могу судить, если я не смотрю на жизнь её глазами, возможно, я совершенно заблуждаюсь, и её мысли просто текут в другом направлении, нежели мои. Она не должна быть похожа на меня, на своих

родителей, одноклассников или на кого-либо другого. Каждый человек особенный, и в голове его, наверняка, что-нибудь да происходит. Просто никто не в силах понять мышление другого и посмотреть на мир через его глазные отверстия.

Но в Зине есть качества, которые меня забавляют. Весельем своего характера она легко может меня рассмешить, что совсем непросто, ведь я не из хохотуний. Хоть заумную беседу с ней не заведешь, но ей вполне можно доверять и рассказывать о бытовых проблемах и даже получить дельный совет. Зина точно знает, кто в самом деле её уважает, а кто распускает злые сплетни за спиной. Она с легкостью читает настроение человека и подстраивается под него, оказывает поддержку в те минуты, когда это необходимо. Зина словно отдала себя целому миру, старается каждого включить в его структуру, каждого пристроить на нужное место в социуме. Однако, она вовсе не жертвенная и самоотверженная, хотя такие черты в ней проскальзывают иногда, просто в любой общественной структуре она своя. Пассивные наблюдатели особенно её беспокоят, потому что у всех должны быть друзья, а одиночество, по её мнению, это наказание для каждого. Вот так она и проявила внимание к моей персоне. Потому что быть в стороне это плохо. А почему плохо?...

Люди, конечно, не божи коровки, но понаблюдать за ними со стороны бывает куда занятней общения с ними. Сталкиваясь с непониманием с их или даже с моей стороны, я ещё раз убеждаюсь, что в голове у каждого своя вселенная, и постичь её едва ли под силу кому-то другому. Однако все остальные убеждены, что если они не понимают кого-то, или кто-то не понимает их, то это лицо непременно странное и какое-то неправильное. Наверно, поэтому я предпочла ограничить свой круг общения, потому что даже от возгласов Зины «Ты чудная...» я порой утомляюсь. Я лучше побеседую с ней о своем недовольстве физикой, чем задам ей вопрос, а почему же всё-таки быть в стороне так уж плохо, как её кажется. Скорее всего, её вселенная треснет и выльется через глаза, а потом запачкает пол и нам придется оставаться после уроков и всё убирать.

Я неосознанно усмехнулась, вглядываясь сквозь молодые листочки берез, которые чересчур упорно пытались проникнуть через открытую форточку.

— Чего хихикаешь? Опять твои вымышленные друзья шутят? — Зина незаметно подскочила ко мне, что я вздрогнула и попыталась замаять улыбку.

— Нет, просто вспомнила хохму одну, — я пожала плечами.

— Не расскажешь? Я люблю всякие хохмы, — Зина протянула мне тетрадь и прищурила глаза.

В этот момент прозвенел звонок.

— Ох, теперь уж в другой раз, — я виновато развела руками и вскинула брови, словно всей душой сожалела, что время бежит не в нашу пользу, хотя внутри ликовала, — нам ничего не остается, как пойти на урок.

Я подозрительно весело подхватила рюкзак и направилась в класс. Зина горестно вздохнула и пошла следом.

— Слушай, в эти выходные у Кати Глопцыш будет день рождения, она собирается пригласить чуть ли не полшколы, ты ведь пойдешь, если что? — Зина вдруг встрепенулась и, догнав меня, пошла рядом, стреляя вопрошающим взглядом.

Я недобро опустила голову, глядя на неё исподлобья, и сердито поджала губы.

— Нееет! Только не говори, что опять всё выходные просидишь за своими дурацкими книжками по праву, — Зина закатила глаза, — тебя скоро засосет в них, даже на экзамены идти не придется!

— Ты же знаешь, что мне надо готовиться. В этом году попасть на юриспруденцию не так-то просто, в прошлом году проходной балл был ещё выше, чем в предыдущем. А в этом поднялся чуть ли не до небес. Да и мама не отпустит меня, — я наигранно удрученно вздохнула.

– Ох, твоя мама! Подумать, если ты не поступишь в областную юридическую академию или куда она там тебя хочет засунуть, она перестанет тебя считать своей дочерью.

Я с насмешливой серьезностью закивала головой. В любом случае, мало мне не покажется, если я завалю экзамены, но идти на вечеринку мне не хотелось по другой причине, заговорив о которой, придется мыть полы после уроков. Я усмехнулась в душе.

– Ладно бы хоть в МГУ или на худой случай в МГИМО, — рассуждала Зина, словно была экспертом юридических институтов.

– Мама не хочет, чтобы я ехала в столицу и жила в общежитиях, она считает, что там один разврат и тараканы.

– Ну, уж тараканов у тебя в голове хватает, а немного разврата тебе бы не помешало, а то ведь так и останешься мышью домашней, — Зина ухмыльнулась и толкнула меня локтем.

– Зина, что за срам! — шепотом сказала я, нахмутив брови.

Начался урок, а мы, сидя за партой, продолжали беседу.

– Тебе скоро восемнадцать, а ты ещё даже не встречалась ни с кем, это срам! — продолжала возмущаться подруга.

– В конституции такого не написано, — я уверенно вела дискуссию с подругой.

«Наверно, я буду отличным адвокатом», — усмехнулась я тайком.

– Да брось ты эту чепуху, ведь всё знают, что если старшеклассница не состоит в отношениях, значит она или некрасивая неудачница или нетрадиционно направленная.

«Какая интересная теория! Кто же её создатель? Не Зинаида Алексеевна ли часом?» — её стереотипы начали меня слегка раздражать.

– А я знаю, что не стоит судить о людях поверхностно, не зная, как обстоят дела на самом деле.

– Да брось, ты ведь ходила на свидания с Максимом! Он тебе вроде даже нравился, я попросила его пригласить тебя, и он, не раздумывая, согласился, — мои слова пролетели мимо ушей Зины, как скоростные поезда.

– Что??! Зачем ты просила его?! — я округлила глаза.

– Да, потому что ты бы никогда и не пискнула даже, палец о палец не ударила, чтобы наладить свою личную жизнь, — мое удивление было встречено ещё большим возмущением Зины, — все ведь самой приходится всегда делать!

– Зина, я не просила тебя, мне это было не нужно! Да и наша прогулка, которую даже свиданием не назовешь, закончилась хуже вашей театральной постановки на прошлой неделе, с половины которой ушел почти весь зал.

Зина раскрыла рот, готовясь выпустить всю обойму своего негодования, но, так и не сообразив ничего более остроумного, она захлопала глазами и замолчала. Я чувствовала свою победу, но заметив поджатые обидой губы подруги, я невольно поникла.

– Да ладно тебе, Зин, прости, я погорячилась, — я неуверенно похлопала её по плечу. Совсем не умею утешать.

– Пойдешь со мной на вечеринку? — огоньки прощения замелькали в её взгляде, затаенном в темноте опущенных ресниц, перекрашенных тушью.

– Ты же знаешь, что я не могу.

Зина снова отвернулась в театральной обиде, ещё сильнее надув губы, и скрестив руки на груди.

– Мама сказала, если ты не пойдешь, то и меня туда не пустит, потому что считает тебя единственным сознательным человеком из всех моих друзей, даже не подозревая, что ты просто старая зануда!

Мне бы стоило обидеться, но продолжать эту тему было не менее утомительно, чем полоть грядки под палящим солнцем.

– Хорошо, я поговорю с мамой, только ты перестанешь стараться организовать мои отношения.

– Ура! — Зина хлопнула в ладоши, — тебе стоит купить платье, я ведь знаю, что у тебя в шкафу, только растянутые свитера, проеденные молью, и брюки, невозможные скучные брюки, синие, черные, коричневые, но точно не привлекательные.

– У меня нет молей в шкафу, — я решила отбросить с ней новую дискуссию насчёт моих предпочтений в одежде, сложила руки на парте и уткнулась в них лицом, утомившись от разговора с ней.

И с чего она взяла, что я непременно должна кого-то привлекать? Разве мне и так плохо живется? Нет ничего плохого в том, чтобы быть одной.

Возможно, я просто мало общалась с мальчиками, но у меня никогда с ними не ладилось. К кому, как не к ним я бы хотела залезть в голову. О чём они думают? Ну серьезно, о чём? Почему они часто говорят одно, а делают по-другому или вообще ничего не делают? Они шутят, хорохорятся, как петухи, а когда с ними заговоришь о чём-то действительно важном, прячутся в нору, как трусливые сурки, и заматают вход задними лапками, бросая непринужденные улыбки безответственности. Уж если таких привлекать, то избавьте меня от этого. Может, в юности все такие? Тогда уж я подожду до старости, чтобы какой-нибудь мудрый дед подсел ко мне на скамейку, вскинул свой взор в небо и задумчиво протянул: «Как ты думаешь, что там за облаками?»

А потом взглянул на меня своими ясными глазами из-под седых бровей и пригласил выпить чайку. За одно лишь это можно любить. И не важно, сколько у него морщин и кривой ли нос, всё это покажется мне прекрасным, и я с удовольствием прогуляюсь с любезным незнакомцем.

Что же такое любовь? Чепуха ведь какая-то. Я не верю в слезливые мелодрамы, клятвы на всю жизнь и подобную ересь. Но я верю в дружбу и взаимопонимание, на которых можно построить крепкие отношения. Каждому нужен тот, кто поймет и примет нас, а без этого, зачем ходить с мальчиками гулять? Да, может у них красивые глазки, но за красивыми глазками много ума не спрячешь. А какие же глазки в таком случае красивые, встает вопрос, на который я не успела ответить в своей голове, потому что звонок прервал мой поток мысли.

– Вечеринка в субботу в шесть, я зайду за тобой в половине шестого, — сказала мне Зина и в знак прощания хлопнула по плечу, от чего я вздрогнула.

Я подняла руку вверх и помахала ей, не поднимая головы. Зина давно уже умчалась по коридору со своим хахалем Андреем.

«Пооди опять гулять пошли», — без всякой тени зависти заметила я, — «так она на агронома не поступит. Ей-ей не поступит!»

Я молча покачала головой, собрала свои вещи и тоже направилась следом.

Был последний урок, поэтому я, облегченно вздохнув с радостью, вышла из школы навстречу солнцу и весеннему ветерку. Был теплый апрель, месяц до экзаменов, юность.

Глава 2. Упущения

К моей величайшей радости путь домой занимал не менее получаса пешком или пятнадцати минут на автобусе. О, эти минуты настоящего рая мыслителя и меломана. Можно успеть перемять все мысли в голове и переслушать все песни на телефоне.

Поэтому я решила прогуляться, не оглядываясь на сегодняшнюю погоду, достаточно солнечную, но не слишком, чтобы лучи красиво проходили сквозь листочки, но не выкалывали глаза своей яркостью и не жгли спину удушливым теплом. Не так уж много мне оставалось проходить мимо по этим местам.

Буду ли я скучать по своей школе? Не без сожаления, что я делаю и думаю как-то неправильно, могу дать исчерпывающий ответ – нет. Я без тени тоски отпущу всё то, что произошло со мной за эти одиннадцать лет в туман прошлого, иногда лишь острыми скалами будут показываться в нём наиболее яркие воспоминания. Я заканчиваю школу с облегчением, что я это пережила и никогда не переживу вновь.

Школьные годы — лучшие годы? Надеюсь, что это высказывание ошибочно. Потому что бесконечные уроки, зачастую иногда бесполезные, домашние задания, отнимающие всё или почти всё свободное время, непутные тусовки с друзьями, где я всегда чувствую себя лишней, мальчишки, которые разбивают сердца, неопределенность в жизни, сомнения — всё это как-то не вяжется с лучшими временами. Словно шелковые широкие ленты, уносимые ветром, ускользают у меня из рук школьные годы, я лениво хватаюсь за них, не рассчитывая ухватиться. Ощущение, будто я что-то упустила. Я еду на пароходе и смотрю на берег, где все люди все-ляться, общаются, что-то делают, а я смотрю на них и проплываю мимо. И ничего не чувствую, кроме пустоты, которую я не заполнила. Мне не грустно и не досадно, нет. Просто я что-то не сделала, что, возможно, могла? Я не расстроена, что я что-то не сделала, потому что не знаю, как бы было иначе, если бы не так, как на этом пароходе. Я не знаю, что я пропустила, теряя свои глаза на страницах учебников. Мне не жаль уплыть от этого берега.

Все говорят, что надо радоваться жизни, особенно когда твое тело ещё переполняет молодость, но, увы, мне как-то совсем не радостно. Нельзя же заставить себя насильно испытывать радость.

Вообще не стоит осуждать людей за хмурое лицо и плохое настроение, потому что окружающая действительность чаще всего не соответствует их ожиданиям. Ведь, разумеется, ты расстроишься, если в подарочной коробке из-под телефона вдруг оказываются носки. Хотя найдется тот, кто порадует и носкам, но не стоит довольствоваться малым. Жизнь дает столько возможностей, не будешь же вечно сидеть над коробкой с носками.

Я всегда мечтала вырваться из будничной рутины. Не то, чтобы я хотела стать суперзвездой, но занять достойное место в жизни мне не помешает. Не стать одной из тех, кто ранним холодным утром, закутавшись в воротники, ползет по улицам на нелюбимую работу и ненавидит свою жизнь. Однако дома меня ждал ещё один кусочек рутины.

– Привет, доча, что ты сегодня так рано? — мама уже стояла в дверях с еле заметным недовольством в глазах.

– Факультатив по истории отменили, Любовь Рудольфовна торопилась на вебинар, она сказала, там будут говорить много полезных вещей для экзаменов по истории и обществознанию, — сразу бросила я исчерпывающий ответ.

– Она не могла ходить на эти вебинары в неучебное время? До экзамена остался всего месяц и каждое занятие на счету.

– Мам, до истории почти два. Он в самом конце июня. Нам остался лишь повторить двадцатый век и порешать тесты по нему.

– Что же вы всё это время делали? Я надеюсь, ты выучила все периоды правления Романовых?

– Да.

– Кто был последним правителем из их династии? — мама прищурила глаза и посмотрела ими на меня.

– Николай II.

– Хорошо, — мама удовлетворенно зачмокала губами, — годы правления?

– 1868—1918?

Мать неодобрительно покачала головой, — он, по-твоему, младенцем на престол взошел?

– Ой, 1894... — сказала я, словно наступив в лужу по самое колено.

– Вот и ой! А на экзамене тебе никто спуску не даст! Ладно, иди уроки делай и ещё раз повтори все даты. Ужин будет готов через полчаса. И не забудь покормить Пафнутия! — сказала мама и уплыла в направлении кухни. Я вздохнула и вошла в свою комнату. На моей кровати развалился Пафнутий, в сущем блаженстве раскинув свои конечности. Пухлощекая морда серого кота недовольно повернулась в мою сторону.

– Наидобрейшего времени суток, мистер Пафнутий, сердечно извиняюсь за беспокойство, но пришло время трапезы, — обратилась я к коту с наисерьезнейшим лицом.

Затем отбросила рюкзак к стене и подхватила на руки мягкотелое создание. Он слегка зафырчал, но для того, чтобы сопротивляться слишком устал лежать. С Пафнутием на руках я вышла из комнаты и направилась в кошачий угол. Это было специальное место для моего не очень маленького пушистого друга, на удивление удачно расположенное между двух комнат и ещё одной стены, если бы её огородить бетоном и сделать маленькую дверь, то получилась прямо-таки кошачья комнатка. Лет в двенадцать я просила папу так сделать, но он сказал, что это глупость, и я оставила эту идею навсегда. Зато мы купили Пафнутию огромную когтеточку, где он мог ползать вверх вниз, словно тропический гепард, и мягкий домик для отдыха, однако Пафнутий решил сделать местом отдыха всю нашу квартиру. Его миска, лоток и все выше перечисленное стояло в стройном порядке, и даже самая заносчивая домохозяйка могла позавидовать чистоте кошачьего уголка. А все потому, что моя мама была просто помешана на чистоте и даже такой член нашей семьи, как кот, не мог увильнуть от её щеток и тряпочек.

Я и сама старалась всегда держать в чистоте свою комнату и кошачье место, потому что никакая пылинка не могла скрыться от зоркого маминого глаза.

«Чистота всегда приятнее грязных колготок на люстре. В чистой комнате и жить хочется. Быть чистым — значит быть мудрым», — эти и другие умные высказывания своей мамы были в нашем доме главными правилами, которым привыкла и я.

Я поставила Пафнутия на пол рядом с миской, положила туда ему немного отварных куриных кусочков, оставленных мамой специально для него с обеда, и отправилась восвояси.

Не закрывая дверь в комнату, я упала на красное покрывало, на котором были разбросаны напоминания о том, что в нашем доме есть кот. Только вздохнула и мечтательно закинула руки за голову, собираясь достать из глубин сознания новую тему для размышления, как снующая с кухни в комнату и обратно мама с упрёком сказала:

– Хватит лежать, или ты ночью уроки делать будешь?

– Да, мам, я только прилегла.

– Обществознание само себя не выучит.

Я встала с кровати и принялась выкладывать учебники из рюкзака. Я аккуратно разложила их на столе, сразу кладя те, по предметам которых ничего не задано, на тумбочку рядом со столом, и снова упала на кровать в раздумьях.

Моя комната не отличалась большими размерами, но для комфорта и уюта этого было достаточно. Но стол около окна, напротив, выделялся на фоне остального пространства и занимал чересчур много места. Хотя у него была одна особенность, которая больше всего при-

влекала меня. Стол совсем чуть-чуть был ниже подоконника и проходил прямо под ним. И, пользуясь этим, я ночами ложилась на него, кладя голову на возвышающийся подоконник, как на подушку, и с трепетом вглядывалась в темную глубину неба с мерцающими искорками манящих звезд. Для меня это были минуты истинного счастья. Однако мой восторг никто не разделял, и, услышав крики матери «Ты же упадешь!» или «Напускаешь комаров!» мне пришлось сделать это тайным занятием, но уж никак не отказаться от такого времяпрепровождения, ибо его ценность была больше всего другого, что я делала в своей жизни.

Кроме стола в моей комнате рядом с ним стояла ещё тумбочка, на которую я складывала учебники, а внутрь всякую чепуху, например краски или пластилин да и всё то, что я использую обычно, когда мне захочется творить искусство.

Около стены стоит кровать, которая, впрочем, принадлежит моему коту больше чем мне. Небольшой шкаф, в котором я прячу свой скучный, по мнению Зины, гардероб, и несколько платьев, о существовании которых знают только мои родственники, потому что надеваю я их лишь на Новый год и день рождения бабы Тома. Иногда я кружусь в них дома, но никогда не надеваю в люди, даже не знаю почему. Как-то мне неловко в красивой одежде, мне кажется, будто я не достаточно хороша, чтобы её носить.

Обои в моей комнате нежно-салатовые, на одной стене с рисунками больших орхидей, оформленных по последнему писку моды, по мнению мамы, хотя других источников пропаганды такой моды я не встречала.

Я перестала валяться и рассматривать свою комнату и приступила к урокам.

Сейчас уроков по всем предметам как таковых было немного, но задания для подготовки к экзаменам заваливали мое будущее время. Нужно было решать тесты и пробники, которым не было конца. А о повторении теоретической части я уже молчу. Мне необходимо, наконец, доделать свою тетрадь по обществознанию с теорией, где я расфасовала весь материал по определенным тематическим блокам. По-моему мнению, это отличная идея подготовки по любому предмету. Это помогает запоминать информацию в процессе переписывания из разных источников в структурированном виде. Конечно, можно было просто купить любой справочник, но систематизация и оформление мне доставляет особое удовольствие, особенно, когда я люблю свой результат после проделанной работы.

Всё-таки я решила начать с тестов, которые нам задали по обществознанию на следующую неделю. Я не любила откладывать уроки на потом, причем в эти выходные у меня намечалось некое не столь, однако, желанное мероприятие. При вспоминании о том, что у меня непременно должен состояться разговор с мамой о нём, на душе повисла какая-то неподъемная сопля неприятных, но неумолимо приближающихся событий.

Через полчаса мама закончила свой очередной кулинарный шедевр, и её голос раздался восторженным колоколом по квартире, что даже вечно утомленный Пафнутий собрался с силами, чтобы поднять голову и пошевелить усами от недовольства.

– Равиоли с томатами и базиликом готовы! Доча, иди ужинать!

Я отложила тесты и пошла по следу распространившегося даже до моей комнаты запаха трав и ещё каких-то неведомых мне ингредиентов.

– М-м-м, как вкусно пахнет, — протянула я, входя на кухню, моя руки и предвкушая удовольствие от грядущей трапезы.

Мама улыбнулась и поставила передо мной тарелку.

Все-таки вкусная еда — это повод для счастья. Если у вас нет серьезных проблем со здоровьем или лишним весом, то вам уже крупно повезло: можно перепробовать все блюда мира, и эти вкусы, наверняка, будут незабываемыми.

Когда-то из-за недовольства своим внешним видом я лишала себя этого мира вкусов. Мне казалось, что я слишком толстая, чтобы есть мой любимый вишневый пирог, ходила всегда злая и раздражительная, ненавидела всех вокруг. Хотя я всего-то лишь имела нормальный вес

и не выглядела, как худые модели на фотографиях в инстаграмме. Да, я похудела на какое-то время, однако радости мне моя новая фигура не прибавила, я с одержимостью считала калории и чуть ли не каждую минуту вставала на весы. К этому кошмару прибавились ещё ухудшение здоровья и самочувствия, которые крайне обеспокоили меня. Я вдруг подумала, что не быть худой не так уж плохо, и у меня вовсе не было объективных причин худеть, потому что для моего тела вес был наиболее подходящим.

Люди не все по своей природе худые, и никто вовсе не обязан подгонять себя под чужой шаблон. Что для одного хорошо, то для другого может быть опасно. В природе нет стандартов, и людям стоит прислушиваться только к ней и к своему здоровью. А слепое следование всякой модной чепухе на худобу — это убийство индивидуальности. Неужели все красивые люди — худые? А что есть красота? Разве это не прекрасное сочетание индивидуальностей, которое дополняют собой друг друга, образуя целостный гармоничный образ человека?

— О чём задумалась, дочка? — мама под села рядом с тарелкой в руках.

Я вздрогнула и стала активнее шевелить вилкой. Этот момент показался мне сейчас подходящим для разговора.

— Мам, тут меня Зина на день рождение приглашала к Кате Глопцыш...

— Это день рождение Кати пусть она и приглашает! Ты ведь даже с ней не дружишь! — мама окатила меня первой волной возмущения.

— Да там будет весь класс просто, и Зину мама отпустит, только если пойду я...

— Я разве сказала, что ты пойдешь? — вторая волна на подходе.

Я сжала челюсти, почувствовав, что сказала лишнее.

— Мы же скоро расстанемся с ребятами навсегда, и можно было бы последний раз...

— Что-то я не видала никогда, чтобы ты горела таким желанием провести с ними время, — мама усмехнулась, и была чертовски права, — твои одноклассники лучше бы к экзаменам готовились, а не вечеринки бы всякие закатывали.

— Так что мне передать Зине? — я не сильно надеялась одержать вверх в этой борьбе.

— Оля, — волны возмущения утихли, но твердое суровое дно всё же прослеживалось в мамином голосе, — ты же знаешь, пока не сдашь экзамены никаких гуляний и вечеринок.

— Знаю, мам, — я кивнула головой, — спасибо за ужин.

Я поднялась из-за стола, и удалилась в свою комнату писать Зине разуверяющий ответ:

: *Я Привет, Зин, мама не разрешила мне идти с тобой на вечеринку...*

Я хотела добавить, что мне очень жаль, но передумала.

От Зины пришел почти моментальный ответ, так как она почти все время сидела в телефоне:

: **ЗИНА КУКУРУЗКИНА** *Ну, другого ответа от твоей мамы я не ожидала. Я сама вечером накануне к вам зайду и порешаю с ней, уверена, я смогу её переубедить; -).*

В конце Зина добавила символами глупый подмигивающий смайлик, от вида которого меня передернуло, и я сразу начала строчить ответ:

Я : *О, Зин, не стоит, мама будет не в духе в субботу, потому что придется везти бабу Тому по магазинам, а это обычно часа на три, а та купит ананасы и заставит маму их чистить...*

Я начала выдумывать на ходу не самую подходящую чепуху.

ЗИНА КУКУРУЗКИНА : *Господи, да все в порядке будет! Жди завтра! И найди в гардеробе какое-нибудь платье, я ведь знаю, что они у тебя в шкафу спрятаны, а то опять придешь, как моль)))*

Я прочитала и не ответила. Так я выражала верх скрытого негодования. Я догадывалась, что будет завтра, потому что знала Зину и свою маму, и когда они встречаются вместе, всегда происходит что-то несусветное.

Уткнувшись лицом в подушку, я осмысляла весь грядущий крах моего плана никуда не ходить.

* * *

Утро и день субботы я провела крайне продуктивно: утром посетив факультативы, я вернулась домой и, немного полежав и поразмыслив с Пафнутием о бренности бытия, уселась за работу с твердым намерением закончить свою тетрадь по теории.

– Пафнутий, зачем вот мы столько всего делаем в жизни, вечно куда-то бежим, покупаем ненужные вещи, если в конечном итоге они нам не потребуются, ибо у всего исход один?

– Мур-мур-мур, — отвечал мой мохнатый товарищ.

– О, это лучший ответ, который я слышала за сегодня... Наверно, скучно просто сидеть вот так и ждать, пока все станет бессмысленным. Можно же выучиться на юриста, можно поесть, полежать, да, Пафнутий? Если смысла в жизни нет, то смысл в том, чтобы быть счастливым... Ты счастлив, мой друг?

Пафнутий сладко потянул лапки в разные стороны.

– Отчего ж тебе не быть счастливым? Если ты только не таишь какую-то мысль в своей кошачьей голове. А вот счастлива ли я?

К вечеру моя тетрадь была готова. Я без остановки перелистывала её, восхищаясь проделанной работой. Я в совершенстве выучила уголовное право, законспектировать которое мне наконец-то удалось. Включив музыку, я ещё раз старательно обводила все заголовки. Так как поставленная задача была выполнена, сегодня меня ждало наиприятнейшее времяпрепровождение в компании с «Пиратами Карибского моря» и неповторимым Джонни Деппом в главной роли. Зачем вообще эти глупые мальчишки, когда есть киноактеры?

Но вдруг в двери позвонили, и я сразу поняла, что вечер с обаятельным мужчиной и печеньем у телевизора мне не светит.

– Добрый день, тетя Рая, — веселый голос Зины наполнил звоном нашу квартиру. Я сникла.

– Здравствуй, Зина. Как дела? Как учеба? — мама стояла в дверях и беседовала с моей подругой.

– Да все хорошо, готовимся потихоньку, конечно не так усердно, как ваша дочь... — Зина засмеялась, мама со смущенной гордостью заготовила ей в ответ.

– Хочешь чаю? Я как раз приготовила пирог из абрикосов.

– О, тетя Рай, конечно, ваши пироги бесподобны, я не откажусь. Я хотела с вами немного побеседовать... — Зина начала, что-то убедительно тараторить, но я уже не слышала, так как её голос удалился вместе с ней на кухню.

Я всё-таки решила выйти и невесело поприветствовать свою подругу.

– А вот и наша затворница! — воскликнула Зина, размахивая куском пирога.

– Господи, Зина ведь сейчас улетит! — мама замахала руками, создавая какую-то неприятную суматоху.

– Привет, Зин, — я поздоровалась невесело, как и планировала, и уселась рядом, где передо мной, как по волшебству, уже образовались тарелка с пирогом и чай.

– Доча, я тут подумала и решила, что тебе всё-таки стоит сходить с Зиной на вечеринку, — начала мама, смотря на меня и задумчиво помешивая сахар в чашке.

Зина рядом радостно закивала, подмигивая своими глазами так, что казалось, она сейчас выдавит их себе.

– Ты же знаешь, мне нужно заниматься, у меня уже были дела на вечер, — протянула я, оценивая всю значимость валяния на кровати перед Джонни Деппом на экране.

– Тетрадь что ли свою писать? Или на диване лежать? — усмехнулась Зина, откусывая огромный кусок пирога.

– А она как раз полчаса назад закончила свою тетрадь! — похвасталась мама моими успехами, о скором достижении которых я пожалела, — тебе стоит сходить развеяться. Мозгу тоже нужно отдыхать, ему необходимы приятные впечатления.

«О каких приятных впечатлениях, мама, ты говоришь? Пьяные школьники? Потные трясущиеся под невразумительную музыку тела?» — в умах я вступила в дискуссию.

– Твоя молодость проходит, а ты сидишь дома, ни с кем не общаешься! Заканчиваешь школу! Даже я веселее была в твои годы, чем ты! Ох, сколько у меня было подруг! А мальчиков! Штабелями ведь ложились! — мама подперла щеку рукой, задумчиво отвела глаза вдаль и погрузилась в приятные воспоминания:

– Был у меня один мальчик, не помню, как его звали, Толик или Сережа, у него были такие голубые глаза...

– Мам! Ну что ты заладила! Никому не интересно слушать, про твои любовные похождения!

– А-а, а потом я встретила твоего папу, такого же несносного брюзгу, как ты!

– Неправда, тетя Рая, мы с удовольствием послушаем в следующий раз, нам через полчаса нужно быть на месте, а тут ещё конь не валялся, — Зина осуждающе посмотрела на мой внешний вид.

– Ой, конечно, доча, иди скорее собирайся, волосы хоть расчеши, а то как из норы вылезла!

Не дав ничего возразить, Зина схватила меня за руку и потащила в мою комнату, а по пути я сделала умозаключение, что Зина оказывает влияние на мою маму похлеще магнитных бурь.

Она по-хозяйски открыла мой шкаф и побросала на кровать мои футболки и свитера.

– Скучно, скучно, скучно, скучно... — джинсы и штаны уныло летели следом, — Ага! А вот и кое-что поинтереснее!

Зина вытащила из шкафа нежно-розовое шифоновое платье с ландышами.

– Ну уж нет! Я в таком не пойду! — я скрестила руки на груди, выражая протест.

– Тогда голая иди! Я не пущу тебя в твоём старье, ведь прямо вещи все как из сундука старушечьего украдены! А ландыши — это хоть всё ещё достаточно консервативненько, но уже посвежее, чем эта ужасная плиссированная юбка, словно снятая с моей покойной прабабки! Вот прямо в точно такой же хоронили!

Я только успела поймать свою летящую из шкафа юбку, в которой я по обыкновению хожу в школу, когда все мои штаны в стирке.

– Опа! А вот это ты не хочешь? — Зина с удивлением достала из моего шкафа совершенно компрометирующее черное платье, которое зачем-то купила мне мама лет пять назад на ту пору, «когда тити вырастут».

– Господи, Зина спрячь его обратно! Так и быть я надену с ландышами, только спрячь.

– Эх, такое добро пропадает, — сказала Зина и с тоской повесила его обратно.

Я стащила с себя домашнюю футболку и недоброжелательным лицом покосилась на платье.

– Господи, что это на тебе за суровые пережитки тоталитарного режима?

– Это мой спортивный бюстгальтер, — возмутилась я на подругу и поторопилась натянуть платье.

– Только не показывай его никому, а то парни испугаются, что совратили бабушку.

– Боже, Зина, что за чепуху ты несешь! Я не собираюсь ни перед кем раздеваться!

– Я бы в таком обмундировании тоже не разделась бы... — Зина покачала головой.

– А что такого? Удобно и ничего не жмет, — заносчиво ответила я.

– Наверно, старыми девами рождаются... — еле слышно прошептала Зина себе под нос и вышла из комнаты.

Я закончила с платьем и тоже последовала за ней.

– Ты с таким гнездом на голове пойдешь? — не дождавшись ответа, Зина побежала в ванную за расческой и вскоре вернулась с ней.

– У тебя такие красивые длинные волосы, почему ты никогда не ходишь с распущенными? — спросила Зина, распутывая мой домашний пучок каштановых волос. Они грузно упали мне на спину.

– Мне мешают.

– Так обстриги.

– Мама не разрешает, говорит: «Длинная коса — каждой девушки краса!»

– Но сегодня ты пойдешь так, — Зина взмахнула моими волосами и они снова послушными прямыми гладкими прядями выровняли свои кончики у меня на талии.

– Какая ты у меня красивая! — мама выглянула из кухни, — ну удачи вам, девочки! Только алкоголь там не пейте!

– Да какой алкоголь, тетя Рай! Все опьянеют от трезвости вашей дочери!

– Звук у телефона включи! Домой вернись не позже девяти.

– Ну тетя Рай! Там в девять самое веселье! Давайте в десять, и мы с моими друзьями её проводим.

– Хорошо, Зина, надеюсь на вас можно положиться.

– Конечно, тетя Рай! До свидания!

– Пока, мам.

Мы с Зиной вышли на улицу. Немного пройдя, мы зашли за угол. Зина остановилась:

– У тебя окна ведь во двор только выходят? — спросила Зина, словно затеяла какой-то разговор.

– Да, а что? — поинтересовалась я с недоумением.

– Тогда, держи, — Зина всучила мне свою сумку и начала стягивать платье.

– Что ты делаешь? — мои глаза округлились.

– А ты думала я в этих лохмотьях пойду? — подруга ухмыльнулась, а из-под достаточно пристойного, по моему мнению, платья показался сущий разврат.

Платье Зины представляло собой неприлично короткое едва прикрывающее ягодицы полотно, обклеенное серебристыми пайетками. Чрезвычайно глубокий вырез, откуда вываливалась грудь, вытесняемая пуш-апом больше самой груди, которая, казалось, вот-вот выскочит и сама весело побежит на вечеринку припрыжку. Все Зинино хозяйство держалось буквально на соплях, потому что лямками нити, на которых был повешен неподъемный груз ткани и пайеток, было трудно назвать.

Зина засунула свое прежнее одеяние в мой рюкзак, потому что в её маленькую сумочку могло уместиться не больше телефона и косметички.

– Ты пойдешь в этой срамоте?

– Да сейчас все так ходят, ты просто не следишь за модой!

– Куда уж мне! — я развела руками, — пошли, до дома Глопцыш идти ещё пятнадцать минут.

Я всегда удивлялась способностью Зины наносить макияж в любых условиях, буквально везде, иногда даже без зеркала. Она могла без проблем краситься на уроке, в автобусе, в кино-театре, в магазине, на улице, иногда смотрясь в зеркала стоящих автомобилей. Если бы её подвесить вверх ногами или отправить лазать по горам на тросах, она бы и там не осталась без макияжа.

И сейчас Зина вела себя так, словно забыла лицо дома, и если она сейчас же его не нарисует, то её, наверняка, не узнают и не пустят на вечеринку.

Она достала из своей сумочки косметичку и начала выпускать на свет ту Зину, которую обычно видят все окружающие: нарисованные отдельными волосинками брови, изогнутые

как сердитые зигзаги, глаза, утонувшие в каких-то мутных коричневых тенях, щеки блестящие от хайлайтера, нарочито претендующие на большие объемы губы, обведенные карандашом и покрытые матовой красной помадой.

– Что ж у тебя там с Максимом-то ничего не вышло? — затеяла беседу Зина на не самую подходящую тему, чтобы скоротать наш путь.

– Ох, Зин, не начинай!

– Это как это так не начинай! — подруга надула красные губищи, не забывая при этом старательно возить кисточкой по уже залепленным чернотой ресницам, — я столько сил приложила, чтобы наладить твою личную жизнь, чтобы ты хоть на выпускном не сидела позорно в стороне. Я все рядом ходила-ходила, намекала-намекала, вон у меня такая подруга классная, симпатичная, а все дома сидит и в книжках глаза топит. Ей нужна, мол, сильная мужская рука, которая бы вытащила её из хламовника её бумажного и вывела в люди. А тебе всё так не так, и так не эдак!

– Спасибо большое за заботу, подруга, — ответила я с явным недовольством, — но мне такой кавалер, который смотрит только хоккейные матчи и «Спанч Боба» по выходным и думает, что рефлексия — это болезнь, ни к чему.

– Извините, уж не всем быть такими высокоинтеллектуальными и смотреть лишь психологические триллеры!

– Я не говорила, что он глупый, просто я не знаю, что с ним делать. Люди ведь обычно гуляют, общаются, а не мусолят одну и ту же тему, потому что больше не существует хоть какого-то общего повода для разговора, или вообще молчат, разглядывая травинки под ногами и размышляя, а что бы случилось, если бы эти травинки добрались до небес...

– Не думаю, что Максим о таком задумывался... Да вообще никто не думает о такой чепухе! Это ты вечно втемяшишь себе в голову какую-то несусветицу. Чудная ты, конечно. Максим, наверно, теперь такого же мнения.

А он ведь практически так и сказал по окончании нашей незатейливой прогулки, когда я решила спросить у него, верит ли он, что все predetermined. Эта тема мне показалась хорошей для дискуссии. А он ответил мне: «Я уж не знаю, что там и у кого predetermined, но я думаю, нам, определенно, больше не стоит ходить гулять».

И тут я подумала: «А ведь этот Максим не так уж глуп, и мне, вправду, не стоит больше гулять ни с ним, ни вообще с кем-либо другим».

Зине я, разумеется, не сказала, чем закончилась наша встреча.

Неожиданно замаячивший вдалеке дом Глопцыш внушал мне надежду о скором окончании неуместных вопросов, и мои напряженные плечи с облегчением опустились. Я даже посмотрела на часы и, обеспокоенно воскликнув, что мы опаздываем, сумела поторопить подругу и приблизить тот момент, когда она от меня отстанет. Но лучше бы я не торопилась.

Перед нами распахнулся вход в трехэтажный коттедж, и оттуда вывалились не первой свежести личности, которых я бы никогда не поставила в своем доме встречать гостей. Впрочем, у меня нет ни такого дома, куда бы я приглашала гостей, и ни гостей, которых бы я приглашала.

– Привет, красотки! — наименее свежая личность по имени Толян высунулась из проёма и обдала нас волной алкогольных ароматов.

Его волосы были взъерошены, словно он только что снял с головы мусорную корзину, в них запутались чипсы и конфетти. Сам он был одет только в рубашку с какими-то тропическими цветами настолько длинную, что невольно вставал вопрос о наличии штанов или шорт, прилагаемых к такому костюму, хотя бы валяющихся в пределах этого дома.

Второй выглядел чуть интеллигентнее первого, его звали Алексей. Алексей оттолкнул своего коллегу так, что тот, перестав смотреть на нас своими мутными масляными глазками, отшатнулся в угол и наконец позволил нам войти.

– Добро пожаловать, дамы, — поприветствовал нас наш своеобразный спаситель, затем громко икнул и расплылся в захмелевшей улыбке.

– Привет, мальчики! — Зина протолкнулась сквозь них, даже не взглянув в их лица.

– Здравствуйте, — я поежилась, с подозрением всматриваясь в нетрезвые глаза, и, стараясь в дальнейшем избегать их, проскользнула вслед за подругой.

– Где тут у вас веселье начинается? — поинтересовалась Зина, слегка обернувшись.

– По коридору и направо, — Алексей снова икнул, пошатнулся и, ударившись об дверной косяк, почесал голову.

– Что ты мелешь! — Толян вернулся в реальность, — налево!

– Ой, да, кухня налево, — Алексей хлопал глазами и начал показывать в воздухе, как же нам добраться на кухню, но Зина уже не смотрела на его воображаемую карту.

Мы зашли на кухню. Я случайно толкнула ногой бутылки на полу и наступила в лужу.

Все находящиеся в импровизированном баре дружно приветствовали Зину и уже наливали ей стаканчик горячительного напитка. Я неловко мялась у входа, в надежде, что меня не заметят.

– Привет, Зина. Вижу, ты привела свою подругу? — парень, намешивающий в стаканах невесть что, кинул взгляд в мой угол.

Он кивнул мне, чтобы я подошла. Я замотала головой.

– Не стесняйся, конфетка, хочешь повеселиться?

Я вцепилась пальцами в рюкзак. Парень сам подошел ко мне.

– Не будь такой скучной! Посмотри на себя, как ты насупилась! Тебе необходимо расслабиться! — парень подошел ко мне ещё ближе и закинул руку мне плечи, словно я была его старым приятелем, — парочка стаканчиков, и ты — королева этой вечеринки.

– Извините, но я не употребляю алкоголь, — сказала я серьезно, дергая плечами, чтобы скинуть его руку.

– Так ты у нас за здоровый образ жизни? Фитнес, свежий воздух, огурцы и все такое? — он рассмеялся, ещё сильнее притянул меня к себе и посмотрел своими мутными глазами в мои, — слушай, жизнь такая нелегкая штука, что тут тебе никакие огурцы не помогут, и если вот будешь всегда такая скукоженная кочерга, то ты быстрее коньки отбросишь, я тебе отвечаю!

Он помотал пальцем у меня перед носом для убедительности.

– Надо по жизни идти весело, умея расслабиться, покайфовать, понимаешь? Ты ведь даже не представляешь, какой мир откроется для тебя на дне этого стаканчика. Ты потом спасибо мне скажешь, что я открыл тебе глаза, будешь мне писать стихи, повесишь мои фотографии над кроватью, влюбишься в меня без памяти, будешь плакать в подушку. Ты, конечно, не обижайся, — он наклонился над моим ухом и продолжал нести чушь уже шепотом, — но я бы с тобой не стал мутить, так может на раз, стянул бы с тебя бабушкины панталоны, и отправил в свободное плавание.

Я сжала челюсти, а по спине пробежал холодок.

– Оставь её в покое, она просто не умеет веселиться! — Зина подоспела на помощь, окликнув его.

– Я не пью алкоголь, чтобы не стать такой свиньей, как ты! — процедила я сквозь зубы и толкнула его кулаками в грудь.

– О-о, какая опасная дама, — он поднял руки, показывая, что не хочет со мной связываться.

Я протолкнулась и вышла обратно в коридор. Зина выскочила следом, и, не успев прийти в себя от того, как ровная нить моей тихой и спокойной жизни завязалась в узелок, я увидела перед собой её обеспокоенное лицо:

– С тобой всё в порядке? Что он тебе такого наговорил?

– Да всё нормально, — промямлила я и начала поправлять волосы, словно это было жизненной необходимостью, — да, ерунду какую-то сказал, неважно...

– Ты не слушай его, он придурок, вечно несет всякую ерунду. Если дурак, то неважно уж пьяный или трезвый, всё равно, дурак. А ты здорово его поставила на место!

– Да, мелочи! — я отмахнулась, не желая больше обсуждать эту ситуацию.

– Я пойду, поздороваюсь там со всеми, хоть Катю поздравлю, всё-таки это же её вечеринка, — Зина решила оставить свою скучную подругу, которая «не умеет веселиться», и пойти уже оторваться.

– Конечно, иди, я тут похожу-погляжу, — я, однако, поддержала Зинину мысль, хотя моя последняя фраза прозвучала унылым криком одинокого скитальца вечеринки. Но я была вовсе не прочь понаблюдать за всей этой молодежной суматохой со стороны.

Зина улетела вглубь трясущихся под музыку тел, на лету чмокая в щеки своих подружек.

Я оглянулась вокруг. Если не считать негармонично двигающихся людей и груды мусора, еды и бутылок, сам дом был вполне себе недурственно устроенный. Комоды, столы и даже картины были так предусмотрительно облеплены пищевой пленкой, что я даже подивилась уму и смекалке Кати Глопцыш, чего я, однако, не ожидала от её мыслительного процесса. Наверно, всему виной горький опыт, и вот как сейчас винная лужа из опрокинутой бутылки стремится захватить территории журнального столика, то теперь ей уж не удастся навсегда оставить след на его деревянной поверхности и порадовать глаз родителей.

Вдруг выключили свет, и мне не удалось оценить все убранство дома и оригинальность дизайна. Заиграла электронная оглушающая музыка, девчонки заверещали от пушного восторга, а парни одобрительно завыли. Кто-то позади меня не менее страстно произнес «О-е!».

Перед моими глазами замелькали разноцветные огоньки из гирлянд и стробоскопов, которые кто-то заблаговременно притащил для создания праздничной атмосферы. Тела слились в единое многорукое существо со стаканчиками, которыми оно нещадно трясло во все стороны.

Если представить все происходящее в замедленном действии, то получится весьма забавно: вот девушки в такт музыки развивают своими длинными волосами, очевидно, чувствуя себя морскими богинями; эти же самые волосы бьют по лицу какого-то рыжего паренька, который брызжет слюной в лицо своей подружке, пытаясь донести до неё весь восторг то ли от бьющих его шелковистых волос, то ли от музыки, то ли от содержимого его стаканчика, то ли от всего сразу; подружка рыжего паренька, в свою очередь, была совершенно недовольна происходящим, потому что танцы и веселые подпрыгивания предыдущих ей, к сожалению, не удавались. Она была вынуждена перетаптываться на высоких неустойчивых каблуках с ноги на ногу, постоянно поддерживая платье и собирая его в гнездо вокруг себя, и в целом производила впечатление нахохлившейся курицы-несушки.

Вдалеке веселым подпрыгиваниям отдавалась и Зина. Алкоголь придавал её танцевальным движениям нечеткость, и она пару раз чуть не воткнула свои пальцы с весьма опасной длиной ногтей какому-то брютету, который уже несколько раз с недовольством отодвигал её от себя. Но Зина лишь беспечно махала ладошкой у него перед носом и продолжала свой танец. Но Зина плясала не одна: она стояла в девчачьем кругу с именинницей, которая кружилась в середине их магического круга, словно волшебная фея в шифоновых полупрозрачных тканях с кудрями и блестками, периодически попивая шампанское прямо из горла, как последний пьяница на районе.

Наконец брютету надоела постоянная опасность для его смазливового лица, и, не без досады пригладив и так гладкие, зализанные гелем волосы, он пошел обольщать стоящих у стены красоток, надувающихся от своей недоступности и высокомерности губы и не понимающих, почему же их ещё никто не пригласил танцевать.

После нескольких отказов и многочисленных кривляний одна из них, в черном платье и с короткими синими волосами, что выглядела наиболее смело и в то же время недоступно, согласилась составить ему компанию. Брюнет за руку вывел её на середину танцпола и сразу же положил ей сползающие руки на талию, а там уж как пойдет. Напыщенные барышни у стены, ещё сильнее надули губы, мол, почему это она с ним танцует, но тут же вспоминали, как сами только что корчили из себя недотрог, и совсем раздулись, как жабы на болоте.

Девушка оживилась и плавно задвигалась в руках брюнета. Иногда, когда он ненадолго её отпускал, она выделяла очень даже изящные танцевальные «Па», волосы девушки магически переливались в лучах разноцветного освещения, а черное обтягивающее платье подчеркивало волнообразные движения тела.

Брюнет, практически не отрываясь, смотрел на свою партнершу, изредка лишь прищуривая глаза и хищно улыбаясь. Он то отдалял её, давая ей потанцевать и порадовать его глаз, то, галантно придерживая за руку, притягивал к себе. Её партнер тоже двигался очень притягательно в своем черном костюме, и даже прилизанная укладка превосходно вписывалась в его образ.

Брюнет в очередной раз притянул к себе синеволосяную девушку, они замерли в танцевальном объятии, и он, прижавшись к её щеке своей, вскинул глаза вглубь зала. Мне кажется, я увидела его взгляд на себе, потому что вздрогнула, и мои глаза скорее перескочили куда-то обратно к Зининым танцевальным кренделям.

В это время Зина разошлась во всю: она залезла на стол, размахивая своими туфлями, пока одна из них не улетела и не скрылась в темноте. Окружающие бодро аплодировали новой звезде. Подруга, не заметив этой незначительной потери, продолжала веселиться, пошатываясь на продолговатом столе, отделанном стеклянной плиткой. Тут из толпы подбежал её парень и что-то начал кричать снизу Зине, размахивающей во все стороны руками и одной туфлей. Она не слушала его и продолжала отмахиваться, как от комара, но, в конечном итоге, ему все же удалось схватить её за руку и заставить спуститься вниз. Вместо Зины на стол залезли другие развеселые барышни во главе с именинницей, и им не менее бурно зааплодировали.

Зина и её парень Андрей отошли в сторону. Андрей что-то пытался объяснить подруге, но Зина не слушала и, беря его руки в свои, продолжала создавать танец.

Через несколько минут началась медленная музыка, и Зина повисла у него на плече, слегка задремывая и пуская слюни в Андрюшину жилетку.

Я тоже немного утомилась от всей этой кутерьмы ещё с начала вечера, поэтому решила найти то самое место, куда сползаются всякие скучающие одиночки на вечеринках, подальше от шумной толпы. Уверенность в его наличии в хорамах Кати Глопцыш вывела меня в коридор, в воспоминаниях о котором у меня были сведения о лестнице на второй этаж с активно передвигающимися по ней людьми.

В коридоре было менеелюдно, однако остатки световых разноцветных лучей, проникающих из зала, и дополнительные колонки приносили дискотеку в любой уголок дома. Гости были также не менее веселыми, а порой даже веселее, особенно рядом с импровизированным баром, роль которого исполняла кухня.

Но вид некоторых молодых любителей крепких напитков мог послужить неплохой антиалкогольной пропагандой: две девушки сидели на полу, можно даже сказать вальяжно развалились, свесив головы и раскидав ноги так, что проходящие неминуемо о них спотыкались. Их платья, прежде, вероятно, выглядевшие весьма торжественно и богато, были помяты и испачканы в пятнах сомнительного происхождения, о котором я совсем не имела желания фантазировать. Что же до причесок их, тут было все весьма предсказуемо: если бы мимо по этому коридору пробегала бы какая-нибудь ненароком забредшая на вечеринку корова, она бы, несомненно, захотела бы полакомиться таким пышным и воздушным комком сена, который лежал у стены. Но каково было бы её разочарование...

Об ноги безжизненно сидяще-сползающих девушек запинался ещё один подозрительный тип, с которым бы мне ни в коем случае не хотелось бы лично иметь дело. Он то выбежал из кухни и с веселым гоготом ударялся об стену, то сделав это нехитрое дело, снова бежал обратно внутрь. Иногда, если по дороге ему попадалась какая-нибудь девица или даже паренек, он, не раздумывая, бросался им на шею и признавался, как сильно он любит своего невольного встречного. Тот в редких случаях испытывал восторг от таких нежностей и по большей части силой избавлялся от чересчур любвеобильного гостя.

Я рассчитала свой путь так, чтобы без проблем преодолеть данное препятствие с объятиями, и поторопилась пересечь его путь, пока уморительный подозрительный тип с мокрыми волосами и в одной майке убежал на кухню. По пути я лишь мельком случайно бросила взгляд в кухню, но вдруг он застыл вместе со всем моим телом. На кухне вообще царил какой-то несуразица: бегающий к стене только уже без майки стоял на столе, размахивая ею над головой, обливая себя и окружающих шампанским и пытающийся при этом ещё поймать ртом водопад спиртного; все, кто стоял вокруг, воодушевленно хлопали и кричали «Георгий!», толкали друг друга, чтобы попасть под водопад, устраиваемый Георгием; некоторые барышни настолько были впечатлены происходящим, что разрывали на себе футболки и бросали вверх то, что скрывалось под ними. Что говорить, не только барышни придавались этой затее. Всегда считавшийся очень мужественным и серьезным спортсмен Александр из параллельного класса, страстно сорвав с себя брюки, очень умело тряс накачанными ягодицами прямо позади создателя водопада.

Такое зрелище никого не могло заставить пройти мимо, так и я встала посреди коридора и, полная изумления, наблюдала за всеобщим безумием и блеском страз трусов Александра. Потом вдалеке я увидела своего нежеланного знакомого, который был не прочь «стянуть с меня бабушкины панталоны», и поскорее удалилась подальше, как бы он не увидел мою недоумевающую рожу в дверях.

Вот уж я заприметила заветную лестницу. Я немного подождала: убедилась в том, что туда свободно можно передвигаться гостям. Увидев поднимающихся и опускающихся людей, я тоже проследовала наверх. Передо мной открылся такой же коридор, что внизу, только ещё менее людный. Световые лучи сюда, конечно же, уже не попадали, а музыка была приглушенной, лишь напоминающей о том, что где-то внизу происходит «немыслимое веселье».

Я медленно и тихо шла по коридору, словно боявшийся, что его услышат, вор в ночи, хотя я ничего не краля, и кроме меня здесь ещё было уж если и не толпа, как внизу, то три-четыре человека точно блуждали где-то в потемках. Свет здесь был какой-то неполноценный: то ли лампочка у них тут перегорела, то ли специально наведена такая таинственная темнота для ужаса и романтичности.

На стенах коридора висели забавные семейные портреты; настолько забавные, что глянув через плечо на живописную инсталляцию дачного отдыха, я вздрогнула от вида маленькой Кати Глопцыш, которая извозившись в кровавом соке жимолости стояла в черном плаще посреди грядок с вилами для сена.

Я ещё немножко постояла около этой фотографии, фантазируя о досуге семьи Глопцыш на приусадебном участке, а затем двинулась дальше. Люди, которые носились призраками вдалеке, либо уже прошли мимо меня и спустились вниз, либо ушли вперед и скрылись в одной из таинственных комнат, располагающихся напротив друг друга по коридору. Я не знаю, сколько их точно было шесть или десять, но мое желание заглянуть хоть в одну, было куда больше, чем пройти мимо. Я понятия не имела, что могла там вообще увидеть, но это ведь и побуждало меня заглянуть туда. Я, конечно же, отказалась бы от такой картины сумасшествия, апогей которого я застала в импровизированном баре, да и выглядеть неловко, как первоклассник, заглянувший случайно в класс, где сидят амбалы-старшеклассники и недружелюбно на него косятся, тоже не хотелось.

Пока я находилась в размышлениях, коридор опустел. Затаив тревогу в сердце, оглянувшись на всякий случай и примяв языком к небу заветное слово всех нелепых людей — «Извините», я дернула дверную ручку. Дверь медленно со скрипом отворилась, и я поочередно увидела несколько примечательных вещей: ещё не на очень темном небе луна, как и я, любопытно выглядывала в комнату сквозь незанавешенное окошко; желтоватые гирлянды на стене весело мигали и создавали уютное освещение, синие волосы свешивались с кровати и переливались от мелькающих огоньков, а над обладателем волос кровожадно, как вампир, навис тот самый брюнет только уже с растрепанной укладкой и крайне злобно уставился на меня. Уж не знаю, что он собирался делать с синеволосой девушкой, то ли поцеловать, то ли голову откусить, но я точно поняла, что если я сейчас же не исчезну, то голову откусят мне.

«Извините» провалилось куда-то в горло и застряло там, и, как я не силилась, мне удалось лишь побулькать губами что-то невразумительное. Двери стремительно захлопнулись, и далеко не прогулочным шагом я уже отдалялась от этой злосчастной комнаты.

В голове моей не было ни единой мысли, кроме как убраться отсюда побыстрее. Мне всё казалось, что этот демонический брюнет думает теперь, что я преследую их, и вот-вот кинется меня догонять. Но двери больше не отворялись, сколько я не оглядывалась. Я спокойно выдохнула и сменила шаг неумного параноика на прогулочный. В коридоре по-прежнему не было ни души, и я вдруг дошла до самого его конца, завершением которого был удивительный балкон.

Он был полукруглый, открытый, очень большой, наверно, размером с целую комнату, и отделанный в каком-то античном стиле с маленькими колоннами, которые имели ионические капители. Мне непременно захотелось на нем побывать, уж тут-то ничего не должно со мной приключиться.

Я без труда справилась с дверями и вышла на свежий воздух. Было тепло, но, если ветер все же немилостиво подувал, то кожа покрывалась мерзкими мурашками. Но, несмотря на это, вечерняя свежесть была прекрасной. Становилось темнее, луна загоралась ярче, звезды потихоньку рассыпались бисером по небу, а из-за горизонта надвигался ночной мрак. И чем ближе к нему, тем больше появлялось на небе этих загадочных излучающих свет массивных газовых шаров. Где-то снизу доносились популярные танцевальные хиты, но здесь все же царствовал голос ночи. Все пространство окутала тишина, и слышен был лишь шум деревьев и стрекот кузнечиков. Наконец-то это вечер начал мне нравиться. Я позабыла все те нелепости, что произошли со мной на вечеринке, и просто наслаждалась единением с вечерней природой.

Вдруг среди душевной гармонии и истинного наслаждения жизнью мне в голову закралась мысль: «А сколько же сейчас времени?».

Слоняясь по коридорам и попадая из одного конфуза в другой, я и не заметила, как пролетели часы. Тут сердце упало вниз, как я представила, что мама мне могла позвонить, из-за шума я не услышала, и она теперь думает, что меня украли и продали в рабство. Я судорожно бросилась рыться в рюкзаке, но найти телефон в этом всепоглощающем хаосе из Зининых вещей, которые она мне запихала, мне не удавалось.

За своей возней я не заметила, как на балконе появился ещё кое-кто.

– Наидобрый вечерочек, мадмуазель! — послышался приближающийся развязный мужской голос, который казался мне подозрительно знакомым. От неожиданности я выронила рюкзак из рук и обернулась. Темная фигура стремительно, но пошатываясь, приближалась, и вскоре передо мной нарисовался мой не самый приятный знакомый на этой вечеринке — парень, который был не прочь «стянуть с меня бабушкины панталоны».

Несмотря на то, что на мне не было ничего из гардероба барышень за семьдесят, и тем более панталон, я насторожилась.

Он изрядно подвыпил и устоять был не в состоянии, поэтому со всей грациозностью бросился на перила рядом со мной.

– Что, опять киснешь, как сметанка на солнцепёке? — его тон стал настолько развязным, что он с трудом связывал слова.

Я не знала, как мне избавиться от него и от всей этой неприятной встречи, поэтому просто молчала.

– Что же ты опять скуксилась, моя клюковка? — промямлил он с нежностью и провел рукой по моей щеке.

Я пожалела о том, что не следила за своим лицом и позволила ему скорчить неведомую мину отвращения. Зажмурившись, я отстранилась от моего невольного собеседника.

– Ой, да расслабься ты! — он махнул на меня рукой и, отвернувшись, посмотрел на луну.

Пока он наслаждался ночной свежестью и вздыхал, я постояла ещё минуту и, подумав, что он уж забыл про меня, начала тихонько наклоняться за упавшим рюкзаком.

– Стой! — прошипел парень каким-то приказным тоном и схватил меня за руку, словно цепями сковав моё запястье.

– Отстань от меня! — но повышенный голос и попытка вырваться не увенчались успехом.

– Ну подожди, — сказал он уже немного помягче и притянул к себе мое сопротивляющееся тело, — я хотел просто немного поболтать, мне стало скучно и одиноко среди этой толпы внизу, вдруг я увидел твое лицо в проеме кухонных дверей и пошел за тобой.

«Прекрасно! Он ещё и маньяк, который плелся за мной в темном коридоре... — эта мысль заставила меня передернуться, — значит, он наверно видел, как я осрамялась, заглянув в комнату».

Уж не знаю теперь, что и хуже. Я замерла в его нехитрых объятиях, при условии, если объятиями можно назвать удерживающий механизм из его рук, цепко державшихся за перила по обеим сторонам от меня, что не давало мне возможности избежать неуместно маленького расстояния между нами. Скорее всего — нет, потому что я ничего не смыслю в мужских объятиях.

Но даже при таком раскладе, я не могла улизнуть ни влево, ни вправо, и потому потупила глаза в пол. Пару раз в страхе я подняла взгляд на него, мельком он показался мне очень даже недурным, только уж больно наглым, странным, непредсказуемым, пьяным и отвратительно облизывающим меня глазами. У моего захватчика были достаточно выразительные черты лица: немного вздернутый нос и губы, немного пухлее, чем у большинства мужчин. Темные волосы неряшливо, но объемно свешивались около его лба. Освещение делало его скулы острыми до жути. Он хищно глядел на меня исподлобья большими глазами сомнительного цвета, потому что в темноте и страхе вообще трудно что-либо разглядеть. Он приблизился своим лицом и тяжело дышал в ухо, что мне показалось, будто он нюхает мои волосы.

В конце концов, мне надоели его маньяческие ужимки, и я крайне нелепо вскинула руки вверх, чтобы освободиться от этого ненормального. Но он лишь сильно схватил меня за плечи.

– Тш-ш-ш, ну куда ты собралась? Нам было так хорошо вместе... — с плеч его руки опустились мне на талию, и это не могло не настораживать.

Я поняла, что конкретно влипла. Ещё чуть-чуть и он захочет узнать, есть ли на мне бабушкины панталоны.

Его прикосновения обжигали. Захватчик слегка приоткрыл рот и стал приближаться к моему лицу. Господь! Я начала понимать, что он задумал, но не могла пошевелиться. И вот, когда между нами оставались считанные миллиметры, я не придумала ничего лучше, как со всей яростью вцепиться зубами ему в нос. Он гнусаво завыл, его руки сразу же отпустили меня и стали наоборот отпираться. А я всё не унималась и сильнее, до боли сжимала челюсти. Мы закружились на месте, и я всё-таки сообразила отлететь от него.

– Ты что больная?! — отбросив меня, парень схватился за свой побелевший нос с глубокими следами от зубов.

Я опешила от того, что со мной происходило, от того, что со мной могло произойти, от самой себя. Я ничего ему не отвечала, да и что тут ответишь?

Я быстро схватила с пола свой рюкзак, в последний раз взглянула на ошарашенного захватчика с распухшим носом и со скоростью, с которой я даже не бегала короткие дистанции на время на уроках физкультуры, я унеслась прочь от балкона, прочь от этого парня, прочь от той несусветицы, что я натворила. Когда я почти добежала по темному коридору до лестницы, где атмосфера была более жизнеутверждающей, и мне почти уже не казалось, что меня преследует нерадивый знакомый с распухшим носом, я вспомнила, что надо бы позвонить маме.

Стоя на лестнице, я достала телефон, и мое лицо застыло в ужасе и безысходности. На телефоне горело время 22:30, но хуже было то, что ниже недобро выползли 10 пропущенных звонков от мамы. В моей голове сначала появилась сцена нервничающей матери, затем неминуемо рыдающей, по-театральному закидывающей голову и прижимающей мокрые глаза ладонями; далее обзванивающей всех моих знакомых, незнакомых и даже соседа по даче дядю Валеру, затем разочарованной в их незнании и самой рыщущей по темным улицам свою пропавшую дочь, и, в конце концов, бегущей в полицию заявлять о краже ребенка, продаже его в рабство или, может, даже убийстве...

При этом я неподвижно вглядывалась в светящийся экран телефона, будто там должен был появиться заветный исчерпывающий ответ, избавивший бы мои уши от истеричных упреков матери в следующие несколько минут, которые, когда я нажму окошко «позвонить маме», польются на меня бурным водопадом.

Но ждать было больше нельзя, ибо с каждой секундой мне казалось, что мама во главе с полицейскими, или, вернее, полицейские с мамой во главе уже мчатся по улицам города.

Я быстро нажала на окошко, после которого обратной дороги не было, и, затаив дыхание, стала ждать, когда гудки сменит срывающийся мамин голос.

– Ты совсем совесть потеряла?! — вдруг раздалось оглушительное визжание, я даже перепугалась, что случайно включила динамик, но это было не так.

– Мам, я... — начала мямлить я что-то невразумительное, не имея какой-то конкретной мысли, которая бы крылась за таким многообещающим началом фразы.

– Ни слова!

– Ну я же...

– Цыц! Никакие оправдания тебе не помогут унять тревогу матери! Ты меня скоро в могилу сведешь!! Как ты можешь быть такой безответственной! Уже ведь взрослая девица, а ума не хватает мать предупредить! Что за детский сад — трусы в горошек! Сказала, что будешь в десять, а сейчас что, на время-то смотрела! Не смотрела, так посмотри, постыдись хоть! Полчаса уже, а от тебя ни весточки! — голос матери из напористо-негодующего стал каким-то плачевно-скорбящим, она начала жалко похныкивать в трубку, — я ведь думала, случилось что, ведь сейчас такое время, такие люди опасные слоняются, а ты, девушка молодая, ходишь в ночь, ведь всякое может произойти! Ох, ох, даже представить страшно!

Голос матери стал таким жалостливым, что меня совсем обескуражило. Я и не знала, что и сказать в свое оправдание.

– Мам, прости, я хотела позвонить, просто тут что-то связь плохо ловила, и я вот только увидела пропущенные звонки...

– Не ври матери! Все у тебя ловило! Я ещё не такая древняя и знаю, что если связь не ловит, то включается автоответчик!

Я прикусила кончик языка, потому что недооценила познания в технике своей матери.

– Ну не в смысле не было связи, а неслышно было, — я придумала идею на ходу и продолжила её развивать, так как она казалась мне более убедительной, — мы с Зиной пошли танцевать, рюкзак я на тумбочке оставила, а музыка громко играет, вот я и не услышала.

– И это ты вот хочешь сказать, что четыре часа с танцпола не вылезала? — моя мама начала снова выводить меня на чистую воду.

– Ну-у время пролетело незаметно, — я постаралась добавить в голос нотку беспечности, однако вышло крайне неискренне.

– Ты, конечно, всегда хорошо писала сочинения, но хватит мне тут сочинять и пулей домой! Чтобы я моргнула, а ты уже на пороге. И забирай Зину, одна не ходи!

– Хорошо, мам... — тихо сказала я и смиренно опустила голову.

– А подожди ещё! Не клади трубку! —мама снова перепугала меня своим встревоженным голосом, словно если я повешу трубку, случится непоправимое.

– Что, мам? Что случилось?

– Чаёк пить будешь?

Я облегченно вздохнула.

– Поздно ведь уже.

– Ну, я поставила уже, надо пирог доедать! Так что беги скорее!

– Хорошо, мам, пока.

Выждав ещё пару секунд на всякий случай, мало ли что у неё ещё случится, я выключила телефон.

Снова тяжело вздохнув, я закинула на плечо рюкзак и стала спускаться вниз.

Спустившись на первый этаж, я начала безнадежно искать глазами фигуру Зины, чтобы напомнить ей о подруге, которую она обещала проводить до дома.

Вдруг я увидела свою закадычную, согнувшуюся в три погибели и неумышленно избавляющую себя от всего вредного для фигуры в дальнем углу коридора. Зина, видно, перебрала с крепкими напитками, и после бурного веселья для неё наступил час расплаты. Андрей, как настоящий мужчина, поддерживал волосы своей благоверной и её саму, чтобы она не сиганула в темноту угла вслед за своими рвотными массажами. Так как я предварительно ознакомилась с предоставленным гостям меню, то с уверенностью могу сказать, что в течение четырех часов Зина ела чипсы, какие-то круглые жевательные конфеты, которые теперь валялись по всему дому, ещё какие-то хрустящие шарики или кукурузные палочки, обильно заливая всё это разнообразными алкогольными напитками. В волосах у Зины застрял кусок копченой колбасы — значит, подруга была голодна. Не завидую я тому, кто будет прибираться после того, как каждый из гостей оставит какой-нибудь свой грязный сюрприз в темном углу.

Я удивленно прошла мимо, не желая отвлекать её от очищения желудка. Андрей увидел меня и молча покачал головой, словно говоря: «Вот так и так, сама понимаешь, так что домой ты пойдешь одна».

Я тоже понимающе покачала головой и, не сказав ничего, направилась к двери. Около дверей мирно похрапывали незатейливые дворецкие Толян и Алексей. Алексей уж слишком развалился, и мне пришлось слегка пнуть его ногу, чтобы дверь можно было открыть. Я замерла в ожидании неприятного разговора с дремлющим молодым человеком. Алексей недовольно зачмокал губами, но не проснулся, так что я беспрепятственно покинула жилище семейства Глопцыш. Когда двери захлопнулись за моей спиной, у меня из груди с облегчением вывалился тяжелый вздох, даже не знаю почему. Я почему-то была довольна от той мысли, что все это закончилось. Мне хотелось делать каждый шаг прочь от этого дома. И дело было даже не в тех нелепостях, что со мной там произошли, а, просто, казалось, будто я бы провела вечер лучше на диване с печеньем и Джонни Деппом на экране, а, может быть, послушала бы музыку, порисовала или просто посмотрела бы в окно на качающиеся березы.

Вечер был такой прекрасный, теплый и ясный, а все эти неугомонные подростки со своим шумом и весельем вызывали во мне какую-то гнетущую тоску. Трястись в толпе потных тел под оглушающую музыку, было для меня как-то непривлекательно. Почему мне вообще должно это нравиться?

Я твердо решила больше ни под каким предлогом не посещать подобные мероприятия, после которых слишком много мусора и стыда у наиболее смелых гостей. Я ещё долго буду отходить от приставучего паренька, которого я укусила за нос, блестяще исполненного ягодицами танца Александра, хищного брюнета и прочих сомнительных лиц. Я никогда не разделяла любви к спиртным напиткам, и по истечению сегодняшнего вечера я, пожалуй, останусь при своем мнении. Уж больно мне не нравятся пьяные невнятные речи сомнительного содержания и необдуманные поступки.

Нетрезвые люди кажутся мне недостаточно разумными и не отдающими отчет в своем поведении. А разум — это богатство человечества. Разум — подарок от природы, чтобы животные смогли подняться на новую ступень эволюции. Конечно, многие животные не лишены мыслительной деятельности, но способны ли они к осознанию себя, к творчеству, к размышлениям над вопросами мироздания? А люди готовы продать свою осознанность и рациональность на глупое веселье. Некоторые особи и вправду начинают вести себя настолько неадекватно, что становятся ближе скорее к зверям, чем к людям. Я хоть и не очень веселая, но если уж и веселиться, то искренне из глубины души, чтобы радовали настоящие эмоции, а не спирт.

Иногда люди употребляют чтобы забыть свои проблемы, свою жизнь, себя. Убегание от реальности таким способом, как мне кажется, это проявление слабости характера. Люди настолько боятся своей жизни и различных преград, что не готовы осознать это. Меня крайне расстраивает актуальность и в сегодняшнем дне этих установок об алкоголе, что они являются критерием взрослости, и их особая популярность в молодежных кругах. Это, конечно же, неспроста все появилось, и такой интерес вполне обоснован. Людей всегда интересует то, что запрещено, и у них всегда будет тяга попробовать это запретное. Данный факт известен испокон веков и даже отразился в мудрой и известной поговорке, связанной с Ветхозаветным библейским сюжетом. Таким образом, по мнению молодежи, если алкоголь доступен только взрослым, значит, чтобы им стать, надо начать его пить. Но порой они забывают, что взрослый это тот, кто сам распоряжается своей жизнью и решает свои проблемы, а не тот, кто пьет пиво в подворотне.¹

Пить или не пить — это, разумеется, дело каждого, и не стоит никого осуждать, если они там пьют себе и никому не мешают, но, по сути своей человеческой, в моем взгляде на большинство гостей этого мероприятия не может утаиться субъективное мнение. К счастью, я не знала и ранее не встречала многих из них, потому что они были из разных сфер жизни Кати Глопцыщ, и я даже не хотела бы знать каких. Как, например, злобный брюнет выглядел достаточно взросло для того, чтобы учиться в школе и, может быть, даже в институте, да и в доме данного семейства он вел себя вполне по-хозяйски. Я, конечно, не могу не признать, что сочла его вполне привлекательным, но танцевать бы я с ним не пошла. Он выглядел уж больно опасно, и черт знает, что у него на уме. Сначала потанцевать пригласит, потом ответит в какой-нибудь темный угол, где кричи-не кричи — никто не поможет. А там уж веревки, грязные тряпки во рту, наручники, острые предметы...

От страха меня передернуло. Синеволосая девушка была очень легкомысленна. Надеюсь, у неё все в порядке. Впрочем, завтра увидим, ведь она учиться в нашей школе. Несмотря на то, что она была на год младше меня, девушка выглядела очень взросло, может быть даже была похожа на студентку последних курсов, чем на десятиклассницу. Она вела достаточно свободный образ жизни, и, хоть я за ней никогда не наблюдала, я всегда знала подробности её отношений. В новостной ленте Зины, которой она обматывала меня каждый день, это была чуть ли не тема номер один. За глаза она всегда называла её «водяной крысой» и практически никогда не изменяла этой привычке, потому я совершенно забыла настоящее имя этой девушки. Таким образом, «водяная крыса» каждую неделю, ну ладно, может каждые две, соблазняла

¹ «Запретный плод сладок».

очередного красавчика или не совсем красавчика внутри или за пределами нашей школы. Эта информация не могла обойти уши Зины стороной. Она, как настоящий шпион, вынюхивала все подробности нового романа «водяной крысы». На фоне общей ненависти меня всегда поражал крайний интерес подружки к предмету её обсуждения. Она никогда не упускала возможности едко прокомментировать новую блузку, юбку или маникюр девушки.

Впрочем, Зина не ограничивалась этим, она комментировала и то, что говорили другие девушки насчет внешнего вида «водяной крысы», и посмеивалась над ними.

«Маринка сказала, что у „крысы“ все волосы из-за краски вылезали, а у самой-то три волосины из-под шапки торчат!» — как-то сказала мне ехидно Зина, незаметно поправляя свои густые светлые кудри. Я лишь усмехнулась. Они что волосы друг у друга считают? Потом подружка по своей болтливости рассказала мне, что Андрей раньше встречался с её недоброжелательницей, и количество желчи, которое она выливает на бедную девушку, мне стало понятно. Зина старалась стать лучше её и во всем её превосходить, все время рассказывала мне, как Андрею с ней хорошо, как он её любит. Что по мне, Зина так и осталась Зиной ни хуже ни лучше, синеволодая девушка так и осталась просто синеволодой девушкой. Да, мне кажется, Андрей любит Зину, но когда-то он любил и ту девушку, и все это имело место быть, но это не повод для ненависти. Мне вообще она не казалась никогда какой-то плохой, высокомерной или неприятной, а то, что она пользовалась популярностью у мальчиков, меня не раздражало. Если ей нравится, то это её дело. Я никогда не была объектом их пристального внимания, но единичные случаи, как например, сегодня с носом, бывали. Чаще всего это заканчивалось как-то неловко или скучно.

Конечно, к сожалению, я долго буду вспоминать сегодняшнего моего приятеля, которого, по-моему, даже видела где-то в нашей школе. Надеюсь, что нам больше не доведется встретиться.

И что у Зины за мысль какая-то глупая, мол, если хахаля нет, то ты какая-то неполноценная. Уж если с такими «хахалями» общаться, то себе дороже выйдет. Погоня за парнями, которые тебя не будут уважать, чести много не прибавит. А тех, кто действительно придется по душе, будет слушать и ценить, надо ещё поискать. Вообще какие-то мальчики сейчас пошли, как гвозди, вроде вставить можно, а все какие-то тупые или ржавые.

«Если бы он был более вежливым и приятным в общении, то тут что-нибудь могло бы получиться... — я вздохнула о своем балконном захватчике, — но видно, для меня жизнь приготовила что-то более удивительное, чем прогулки с мальчиками под луной... если жизнь ещё умеет готовить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.